

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Родился в 1954 году в городе Легница Польской народной республики в семье советского офицера. Окончил Воронежский политехнический институт и Литературный институт им. А.М. Горького (семинар критики), учился в аспирантуре. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором театра драмы, заведующим московской редакцией журнала «Континент», инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём».

Литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Публиковался в ведущих литературных журналах России и других изданиях. Автор книг о современной литературе «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014). Лауреат общероссийской премии по литературной критике «Русское эхо», премии Союза писателей России «Слово-2017» и ряда других. Награждён медалями им. В. Шукшина, Ф. Тютчева.

Председатель Совета по литературной критике Союза писателей РФ. Живёт в Воронеже.

СОГЛЯДАТАЙ БЫТИЯ

Поэтический голос Александра Орлова

Современная русская поэзия в интонационном отношении, как правило, изъясняется вежливо, выстраивая свою речь с оглядкой на выбор слов и их письменное размещение. Тут сказывается привычка, передаваемая из поколения в поколение отечественной лирикой. Даже авангардистские строки иных авторов почти всегда выглядят так, будто их главное назначение – присутствовать на листе бумаги, а вовсе не проникать в слух читателя, соединяя написанное (прочитанное) со сказанным (услышанным).

Есть неуловимые приметы, подчеркивающие очевидную разность устной поэтической речи и письменной. Одними из главных черт звучащей поэзии сегодня стоит назвать бескомпромиссность суждений, беспощадную резкость словесного изображения событий и некоторую жесткость в оценке – и текущих событий, и минувшего. Причем стоит иметь в виду, что многое, изложенное письменно, в случае осознанного стремления автора к резкости линий и контрасту, часто соскальзывает в сферу brutальной риторики и теряет глубину художественного высказывания.

Единичны случаи, когда поэт, говоря житейски просто и эмоционально, не теряет своего лица. А за словами и образами проявляются

его характер, психологические и нравственные предпочтения, особенности памяти и способность быть последовательным в своих убеждениях, которые порой могут показаться со стороны категоричными, лишенными привычной интеллигентской рассудительности.

Я сын громадных, вековых трущоб,
Рождённый под «Прощание славянки»,
И методом ошибок, горьких проб,
Я собираю ветхие останки

Страны, которой больше не вернуть –
Господь навек детей её оставил,
И разъяснит грехопадений суть
В своём послании апостол Павел.

Всё, что прошло, останется со мной,
К тому, что не исчезло, нет возврата,
Но только слышу оклик за спиной
Сражённого за Родину солдата.

И снятся Магадан, Смоленск и Ржев,
Могильник, затаённый в снежной чаще...
Под утро просыпаюсь, ошалев,
И понимаю, сон мой – настоящий.

Это строки московского поэта и прозаика Александра Орлова. В них неизъяснимо чувствуется некая окончательность очертаний мира, в котором оказывается герой, отсутствие полутонов. Причем даже не в изображении, а в осязании, когда нет и не может быть мягкости и постепенного перехода от одной подробности к другой, а все грани и детали присутствуют сразу – как непререкаемая данность, внутри которой нужно жить.

Александр Орлов – не только литератор, но также историк. Очевидно, первоначальное устройство его ума и души сказывается на его лирическом голосе, на выборе слов, на стремлении нарисовать предметы, людей и события в высшей степени отчетливо. В какой-то степени подобная психофизика приводит к сухости поэтического голоса, его сдержанности – о чем бы автор ни писал: о русской древности, о православных устоях, о родной природе, о странах, в которые он был занесен судьбой.

При этом практически каждая строка в его стихотворениях являет собой полное в синтаксическом плане предложение: подлежащее, сказуемое, дополнение или обстоятельство. В итоге взгляд героя не обводит оком, но дискретно включается, двигаясь по реальному пространству, по историческому, по пространству понятий и смыслов – по принципу стробоскопа. Одновременно пропадают или съезживаются до минимума свойства небольшие, частные, призванные воспроизвести лирическую картину – драматическую или радостную, биографическую или рассказанную, увиденную или осмысленную. Герой оказывается один на один с историей, с социальным укладом, с чувством долга, со своей тоской по существованию естественному, непрерывному. И если противостоящий мир он может охватить умом, взглядом и определить его краской или словом, пусть даже и субъективно, то в отношении себя все сложнее: он постоянно должен задаваться вопросом «кто я такой?» и, суммируя отдельные ответы, так и не приходит к окончательному определению собственной потаенной личности.

По существу, перед нами лирическая поверка самого себя событиями и обстоятельствами – большими и малыми, внешними и внутренними, нескончаемое соизмерение с ними и непреодолимое отсутствие какого-то мало-мальски ясного и четкого ответа. В такой предельной по выразительности форме русское экзистенциальное вопрошание в лирике, как будто, еще не воплощалось.

Называя большую книгу стихотворений «Священные миры», автор, прошедший через разные этапы в своей биографии и созерцающий как историк отечественное бытие на максимально большом отрезке времени, каждому периоду, которого касается его мысль и поэтическое перо, дает именно такую титульную характеристику:

- священный мир дохристианского уклада, православные подвижники и духовный подвиг;
- священный мир Великой Отечественной войны, самопожертвование русского солдата;
- священные миры культуры Малой Азии, Кавказа и Европы;
- священный мир семьи, далеких и близких предков;
- священный мир *любви, доверия и ответственности*.

Последняя триада пронизывает всю книгу Александра Орлова, порой напоминая о себе иносказательно, исподволь, показываясь фоном, а иногда заявляя о себе властно – почти как о мировом законе, которому важно следовать неукоснительно.

Переходя от одного авторского сюжета к другому, часто удивляешься, как много души вложил поэт в лирические истории подчас мимо-летные. Наверное, здесь действовало внутреннее правило: осознать произошедшее, понять себя и уловить, в чем изъян случившейся истории или ее драгоценная жемчужина.

Говорю тебе всё без утайки,
Мы расстаться не можем никак,
Мы с тобой, словно парные чайки,
Пролетевшие архипелаг.

Что под нами: вода или горы —
Не имеет значенья уже.
Посмотрите, прощаясь, поморы,
Я душой прижимаюсь к душе.

Пусть нас двое, но только едины
Мы в полёте на множество лет.
День и ночь из еловой лощины
За нас молится анахорет.

Он помянет в молитвах, что было,
И, что будет, сокроет от нас.
Вся земля для влюблённых – могила
Под присмотром Всевидящих глаз.

У Орлова есть два противоречивых тематических сближения: дохристианская Русь – Православная святость; подвиг русского человека в Великой Отечественной войне – трагедия репрессий и лагерей в довоенном советском государстве.

В книге не найти привычного противопоставления дохристианского Русского мира (который часто называют языческим, добавляя в это определение зримую долю оценочной характеристики явления) – пра-

восславному укладу. Взгляд поэта погружается в обиход стародавнего прошлого, в его картинах и мизансценах присутствует пристальное внимание к растениям, животным, к календарю, который столетиями казался священным распорядком существования всего живого, к редким старым словам и понятиям. Житейские коллизии накладываются на изображения природы, а сам сюжет исподволь сдвигается к православным именам и праздникам. И становится ясно, что перед нами – русский «шов времени», когда прежнее еще сильно и душевно значимо, но уже звучат новые истории и кажутся безусловными духовная стойкость и облик вчера еще неизвестных подвижников и страстотерпцев.

Точно так же Александр Орлов сближает стояние в Православной вере с реальными поступками своих героев, которые совсем не считали себя Христовыми воинами, а действовали так, как диктовало им сердце. И здесь досоветская Россия обретает связь с новыми людьми, поздними поколениями, по видимости атеистическими.

Давно её халат был на износе,
Она боялась только сквозняка.
Ходить на ощупь помогала Фросе
С опорной ручкой чёрная клюка.

Со мной одним она играла в прядки,
И не было прабабки веселей,
Обнявшись, мы сидели на кровати,
Она мне протянула пять рублей.

Я уходил, надеялся, что скоро
Почувствую тепло любимых рук
И по забавам лучшего партнёра
Шагов неспешных донесётся звук.

Наутро угощая класс в буфете,
Я сладости не чувствовал халвы,
Как будто знал, что при морозном свете
Ушла к святым защитница Москвы.

Главные фигуры лагерных сюжетов автора – люди старой закалки и сокровенного духовного устройства. В стихотворениях подобной тематики конфликт между страдальцем и «казенными людьми» не выносится на уровень плоского и ложного обобщения, когда советская страна безоговорочно именуется пространством террора. Страдание и стоицизм русского человека здесь предстают как скорбная часть бытийных обстоятельств, вышнее взыскание за многократное горестное отступление народа от истины. Это – горнило, в котором испытывается душа и сохраняется самое лучшее, что только можно найти в том трагическом многолетии. Хотя внешне судьбы и жизни ломались и стирались шестеренками идеологически мотивированной бюрократической системы...

«Священные миры» культуры Запада и Востока под пером поэта обретают свои яркие и самобытные оттенки. Однако само проникновение героя в эти теснины – природные и урбанистические – похоже на путь кометы по ночному небу. Детали чужих миров, кажется, остаются рядом с лирическим рассказчиком, он не сливается с принципиально иным социальным и ментальным распорядком и всякий раз видится отдельным русским человеком, внимательно изучающим облик

внешнего мира и будто примеряющим его на себя – как примеряют странное и тесное облачение. Тогда как в себе самом он продолжает бережно и ответственно хранить священный мир верности и любви, памяти и долга перед минувшим и будущим.

Стихотворения и проза Александра Орлова оставляют в памяти жанровое впечатление «жестокого рассказа». Обнажая до предела скрытые пружины и внешнюю картину происходящего, он старается найти ответы на самые простые и в мистическом отношении значимые вопросы:

- почему все так происходит?
- кто виноват в случившемся?
- есть ли сила, способная преодолеть злую чужую волю?
- какова твоя роль в событиях?
- и, уже поэтому, какова твоя судьба?

Но притом на фоне таких, по существу, страшных вопрошаний в его строках живет грусть по еще не утраченному окончательно Божьему миру, который изрядно порушен человеком. Этой печалью и почти интуитивно присутствующим в каждом истинно русском сердце образом Горнего Царства смягчаются беспощадные строки автора, и он становится в какой-то степени посланцем читателя – и соглядатаем Бытия.

Ты не знаешь, как лучше, как хуже,
Волю Бога познать не дано,
Светит солнце, зажатое в луже,
За тебя уже всё решено,

Заполняешь мирские пустоты,
Изнываешь от бросовых бед,
С кем-то сводишь вчерашние счёты,
Причиняя надуманный вред,

Занимаешь свободную нишу,
Где уже до тебя кто-то жил,
Словно поступь я вижу и слышу –
Скрип ступеней, изломы перил.

Эта лестница в ясную бездну...
Ты решил, так иди же, вперёд...
Даже если во тьме я исчезну,
Он услышит, простит и спасёт.